

ОЛЬГЕН БИ *БАГРЯНЫЕ КРЫЛЬЯ*

Прошлая жизнь, но в какие века — пока жив не дано нам
узнать.

**ОЛЬГЕН БИ
БАГРЯНЫЕ КРЫЛЬЯ.
Прошлая жизнь, но в
какие века – пока жив
не дано нам узнать.**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23142341
ISBN 9785448383014*

Аннотация

Эта история внезапно пришла в нашу жизнь и породила много вопросов. Гена (его и мое имя составляют псевдоним атора) пережил все происходившее когда-то с рабом по имени Дион, как свою жизнь. Но все это так странно было и еще страннее закончилось, что назвать этот рассказ воспоминанием прошлой жизни (реинкарнацией) – трудно, а фантастикой неуместно.

БАГРЯНЫЕ КРЫЛЬЯ

Прошлая жизнь, но в какие века – пока жив не дано нам узнать.

ОЛЬГЕН БИ

© ОЛЬГЕН БИ, 2017

ISBN 978-5-4483-8301-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время, когда происходила эта история не отмечено какими-то веками. Нельзя сказать с полной уверенностью, что это происходило во времена царя такого-то или фараона какого-то, не они были героями в этой истории.

Трудно даже просто определить уровень цивилизации на Земле, чтобы установить время действия событий. Всё относительно. И в наши дни есть первобытные племена, снежный человек, дикие нравы у высоко цивилизованных людей, убогие лачуги нищих и космические корабли, голод и роскошь. Пока в человеческих душах жив порок, будут рабы и господа. И будет неизвестность, в какую категорию попа-

дешь ты, читатель.

Умный человек может достичь богатства, а мудрый может отказаться от него. Один будет стремиться к свободе с помощью денег, а другой будет стремиться к свободе от денег. И всем это знакомо и понятно, не понятно только то, почему эта история не дошла до наших дней, как многие другие? Возможно, эта история была слишком жива, чтобы из нее сделать красивый миф. А возможно, это был слишком красивый миф, чтобы его облекать в слова. Но начиналось всё не слишком красиво, в мрачных казармах внутри замка Окрена.

– Говоришь, глаза мечтательные? Ну, что ж, пусть собирает свои перья, посмотрим, что из этого выйдет, – мрачно буркнул Окрен.

– Мой господин, если мы позволим ему заниматься даже маленькими перышками, то из этого выйдет большая проблема. Другие тоже могут придумать себе идиотское занятие, чтобы не работать.

– А кто сказал, что мы ему это позволяем? Об этом будем знать мы с тобой и Скил, раз уж вы с ним обсуждали странности этого человека.

– Понятно, мой господин, значит, и сам раб не должен знать об этом.

– Ну, что интересного, в том, что беркут уронил перо, а раб прячет его в тунику? Пусть вам станет вдруг интересно, что небо голубое или кто-то другой тачку медленно везет. Только не переиграйте: поймет – затаится.

Надзиратели, как и он, их хозяин, понимали, что нельзя задавить стремление к освобождению. Ситуацией нужно управлять иначе. Чрезмерное давление выльется в бунт. Хорошо, если это бунт одного, а если этот один найдет отклик в душах других? Толпа не рвется к небу, толпа руководствуется чувством обиды, неудовлетворенности, зависти, азартом. Кому не знакомы эти пороки? Со знакомыми проще: знаешь куда их направлять, где сдержать, а где использовать.

«Порок – это инструмент в руках умелого» – так считал хозяин, да и его подчиненные.

Этот раб Дион был странным экземпляром, непонятным, но интересным. Хозяину было интересно, что этот мечтатель задумал.

Зябко в каменном мешке за могучими стенами замка, особенно ночью. Кости ломит по утрам то ли после тяжелой ежедневной работы, то ли после жесткого ложа. На улице солнышко пригреет, работа отвлечет, глядишь, после обеда

жизнь веселее покажется. А уж вечером и вовсе не до костей: как бы их уложить поскорее и заснуть. В хмурые дни, в дождь ничего не может развеять тоску рабов, вспоминающих свою прежнюю свободную жизнь.

Вспоминается каждая мелочь, не привлекавшая внимание в той безбедной жизни, которая осталась только в памяти. Само слово «свобода» понимается совсем по-другому. То, что казалось ярмом раньше, теперь издалека, из подземелья кажется нежнейшей шалью, а скромный ужин – роскошным пиром. А здесь – ни украсть, ни посторожить. Тоска!

Кто-то затягивает заунывную песню, навеянную тоской и мраком подвальных покоев. Кто-то собирается в тесном кругу двух-трех таких же невольников и, подперев спиной холодную стену, делится воспоминаниями – кусочками прошлого счастья, вспоминает веселые хмельные минуты прошлого, семью.

Кто-то мастерит оберег себе, не обращая внимания на стоны соседа. Никого не удивляют раны от кнута надсмотрщика, редко кто не пережил эту саднящую боль, когда отдираешь одежду от свежих рубцов. Никого не пугает работа, какая бы тяжелая не была, потому, что за этими каменными стенами живут свободные люди, которые работают не меньше рабов. Только они сами могут решить, сколько выдержать

на палящем солнце или морозящем дожде сегодня, а сколько завтра.

Они говорят между собой на человеческом языке, а не на языке кнута, которым в совершенстве владеет надсмотрщик. Да и ему свое мастерство отработать нужно на ком-то, даже если особой причины для применения плети нет. Не обычным же языком управлять рабами.

За каменными стенами живут и другие рабы, добровольные рабы золота, богатства. Этих из рабства освобождать – бесполезное занятие.

Но Диону до них не было дела, он был занят своими мечтами о свободе, и о способе получить свободу. Такую безмерную свободу, как у птиц в небе.

Когда он выходил утром на работу, то первым делом поднимал лицо к солнцу. Лучи касались его лба, как поцелуй матери, потом умывали его щеки ласковым прикосновением, проникали за тонкую преграду век в глубины всего его существа. И холод темницы отступал, душа оттаивала, приближалась к этому великому врачевателю всей Земли, источнику жизни, творению Создателя.

Дион открывал глаза и видел птицу в небе, плавно парящую в потоках воздуха. Казалось, что эта птица прилетела

приветствовать его, так как видел он ее почти каждый раз утром. Как он завидовал ей! Как завидовал той безмерной свободе, которую дают крылья. Свобода желанна не только в пределах земли, но и в пределах воздушного океана света.

Тогда он понимал, что на земле нет по-настоящему свободных людей. Но резкая боль всегда обрывала полет его мысли. Кнут знал своё дело. Надсмотрщики не вступали в дискуссии с рабами, они – люди другого мира, их интересы не должны пересекаться так, чтобы самим не попасть в положение рабов. За них все переговоры вел кнут.

Если кому-то не хватало мастерства управления кнутом, то в ход шли короткие рубленые фразы команд, сухие жесткие и механические. Команды могли прозвучать и в их собственной семье ненароком, а кнут всегда оставался на службе – дома нет места этому языку рабов.

Диона боль не могла сломить настолько, чтобы перестать смотреть в небо каждое утро рабочего дня. Это была его прогулка в тюрьме, и ее не мог отнять хозяин: он нуждался в работе рабов. А Дион получал от этого мимолетного поклонения Богу, от этой безмолвной молитвы такой заряд любви и силы, что спокойно сносил удары кнута, как и удары судьбы. Он научился произносить эту молитву быстрее и получать необходимую поддержку неба эффективнее, пока

не опомнится надзиратель или не подтолкнут в спину идущие следом за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.